

Сказочные мотивы в изображении эпического героя (на материале калмыцких историко-героических преданий о Мазан-батаре)

Сабина Султановна Алексеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста 358000, Российская Федерация)

аспирант

ORCID: 0000-0003-1546-5233 E-mail: alekseeva_sabina@list.ru

Аннотация. Целью данной работы является изучение взаимосвязи калмыцких богатырских сказок и историко-героических преданий, поскольку данные жанры устного творчества обладают схожей структурой и принципами идейно-художественной организации. Общими для них являются центральный образ богатыря-защитника, связанные с ним традиционные мотивы, идейно-эстетическое наполнение и общественно-историческая детерминированность. Основное внимание в работе уделяется традиционным сказочным мотивам, которые были использованы в изображении эпического героя исторических преданий. В данной работе мы опираемся на тот факт, что мотив — это типовая, неразложимая единица фольклорного произведения. Анализу подверглись следующие сказочные мотивы: мотив «низкого» героя, мотив возмужания и богатырства, мотив сватовства и выкупа невесты, мотив чудесного исцеления. Сопоставляя мотивы, автор работы приходит к следующему *выводу*: мотивы, характерные для богатырских сказок, сохраняются в преданиях. Однако, поскольку содержание предания принимается слушателем и рассказчиком как реальное историческое событие, некоторые мотивы претерпевают определенную трансформацию, обусловленную жанровой спецификой произведения.

Ключевые слова: калмыцкий фольклор, историко-героические предания, эпический герой, богатырь, сказочные мотивы, сюжет

Для цитирования: Алексеева С. С. Сказочные мотивы в изображении эпического героя (на материале калмыцких историко-героических преданий о Мазан-батаре). Монголоведение. 2019;(4): 998-1010. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-998-1010.

Fairytales Motifs in the Image of an Epic Hero: a Case Study of Kalmyk Historical-Heroic Tales of Mazan Baatar

Sabina S. Alekseeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista 358000, Russian Federation) postgraduate student
ORCID: 0000-0003-1546-5233 E-mail: alekseeva_sabina@list.ru

Abstract. The aim of this work is to study the relationship of Kalmyk bogatyr tales and historical and heroic traditions, since these genres of oral lore have a similar structure and principles of ideological and artistic organization. Common to them are the central image of the hero-defender, the traditional motives associated with it, ideological and aesthetic content and socio-historical determination. The main attention of the work is concentrated on traditional fairy-tale motifs that were used in the depiction of the epic hero of historical traditions. In this work, we rely on the fact that the motive is a typical, indecomposable unit of folklore. The following fabulous motifs were analyzed: the motive of the “low” hero, the motive of maturity and heroism, the motive of matchmaking and the ransom of the bride, the motive of miraculous healing. Comparing the motives, the author of the work comes to the following conclusion: the motives characteristic of the bogatyr tales are preserved in the traditions. However, since the content of the legend is accepted by the listener and the narrator as a real historical event, some motives undergo a certain transformation due to the genre specificity of the work.

Keywords: Kalmyk folklore, historical and heroic traditions, epic hero, bogatyr, fairy-tale motives, plot

For citation: Alekseeva S. S. Fairytales Motifs in the Image of an Epic Hero: a Case Study of Kalmyk Historical-Heroic Tales of Mazan Baatar. *Mongolian Studies*. 2019; (4): 998-1010. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-998-1010.

Воспринимая окружающий мир во всем многообразии событий и явлений, человеческое сознание интерпретировало их по-своему, создавая в итоге фольклорные произведения. Культурное наследие калмыцкого народа, включающее в себя множество жанров как общеизвестных, так и специфических, велико и многообразно. Складываясь веками, оно вобрало в себя мудрость народа, его психологию, нравственные и моральные устои и идеалы.

Наибольшей популярностью и распространённостью на сегодняшний день пользуется такой жанр, как сказка (волшебная, бытовая, кумулятивная, богатырская). Б. Б. Манджиева указывает

на выделение в сказочной традиции калмыков богатырских сказок, отличных от волшебных по своей структуре, мотивам, характеру, имеющих общие мотивы с произведениями эпического жанра [Манджиева 2015: 175].

В данном случае взаимопроникновение мотивов обусловлено взаимодействием с близкими по жанровому составу произведениями устного народного творчества, имеющими схожую структуру и принципы идейно-художественной организации — легендами, преданиями, эпосом.

В. М. Жирмунский богатырскую сказку считал предшественницей эпоса [Жирмунский 1974: 223]. Однако существует и обратное мнение, согласно которому богатырская сказка представляет собой результат ослаблений позиций эпоса. Данный вопрос обстоятельно рассматривает в своей статье А. А. Бурыкин [Бурыкин 2018: 136].

И если для проведения формальной грани между эпосом и богатырской сказкой достаточно указать на форму бытования произведения (богатырская сказка в большинстве случаев рассказывается прозой, а эпическое сказание поется), то с преданиями в силу их прозаической формы возникают некоторые затруднения. У предания имеется реальная основа (пусть и переданная из уст в уста и утерявшая свой изначальный вид), тогда как сказка основывается на фантастическом явлении. Масштабные события, связанные с каким-либо значимым периодом жизни народа, оставившие глубокий след в народной памяти, отражены в фольклорных произведениях более полно и многовариантно. Обладая исторической и социальной конкретностью, локальностью, установкой на достоверность, они остаются при этом произведениями словесного искусства.

Мотив, согласно А. Н. Веселовскому, является простейшей повествовательной единицей; сходные черты мотивов объясняются им единообразием условий, в которых формировалось и развивалось человеческое общество [Веселовский 1989: 305].

Б. В. Томашевским мотив определяется как «тема неразложимой части произведения <...> В сущности — каждое предложение обладает своим мотивом» [Томашевский 2002: 182]. Отметим, что вопрос определения границ мотива на сегодняшний день остается дискуссионным.

Совокупность мотивов составляет сюжет произведения — мифа, сказки, предания. Остановимся подробнее на последнем. С. Н. Азбелев дает следующее определение: это «созданный устно, имеющий установку на достоверность эпический прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных или вполне возможных фактов. Предания возникают из устных рассказов очевидцев или участников тех или иных событий. В процессе многократной передачи из уст в уста постепенно «отсеивается» все индивидуальное... в результате рассказ отливается в более или менее устойчивое предание» [Азбелев 1965: 11–12].

В. К. Соколова основную цель исторических преданий видит в закреплении и сохранении для потомков памяти о наиболее значимых событиях в жизни народа, а основной функцией называет информационную [Соколова 1970: 253].

В калмыцких историко-героических легендах и преданиях («тууж») описываются реальные события и упоминаются действительно существовавшие личности: Мазан-батыр, Галдан Бошокту, Амурсана, Ончхан Джиргал и др. Одним из самых популярных персонажей является Мазан-батыр, которому посвящен цикл преданий, записанных в разное время у разных сказителей.

В основу цикла положена борьба калмыков с внешним врагом в лице татар и башкиров. Согласно точке зрения В. Т. Сарангова, художественный вымысел в данных произведениях выступает в качестве аргумента, подтверждающего реальность, действительность описываемых событий [Сарангов 2012: 108].

Предания о Мазан-батаре представляют собой законченный жизненный цикл героя. Несмотря на то, что предания о богатыре формировались в период более поздний, нежели эпос, герой тем не менее представляет собой традиционную эпическую модель, свойственную родовой организации общества того времени. Залогом безусловной победы эпического героя является его исключительность, сочетающая в себе как физические, так и некие волшебные характеристики.

Рассмотрим основные сказочные мотивы, присутствующие в преданиях о богатыре Мазане. Самым ярким и показательным (по связи со сказками) является мотив «низкого» героя. В народной сказке существует два основных типа героя: эпический и «низкий».

Первый тип героя имеет благородное происхождение, красивую внешность, совершает подвиги, для которых он и предназначен. Второй же, напротив, не подает никаких надежд, беден, часто является единственным или последним сыном вдовой женщины, внешне уродлив и презираем окружающими. Однако и он совершает подвиги, которых от него никто не ожидал. Причем совершает их при помощи каких-либо волшебных помощников или предметов. Е. М. Мелетинский указывает, что второй тип героя — сугубо демократический особенно характерен для волшебной сказки <...> выражает веру народа в силы простого человека и мечту о социальной справедливости [Мелетинский 2005: 180].

Остановимся подробнее на том, каким образом данный мотив выражен в калмыцких богатырских сказках. В большинстве рассмотренных нами сказок превалирует первый тип героя. Это либо сын хана (нойона), либо предводитель его дружины, либо долгожданный ребенок богатых родителей, который обладает красивой внешностью, от рождения наделен огромной физической силой и смекалкой, а также высокими моральными качествами. Данная идеализация эпического героя объяснима и понятна. Однако второй тип героя также получил выражение в произведениях устного творчества. Например, в сказке «Мөсн аавин Мөңкин Харин Чилдн баатр» («Месин аавы [сын —] богатырь Менкен Харин Чилденг») герой остается сиротой в раннем детстве: Һунн наста цагтан эцкэн алдсн, дөңц наста цагтан экэн алдсн санж. ‘В трехлетнем возрасте лишился отца он, в четырехлетнем возрасте лишился матери он’ [Калмыцкие сказки 2017: 239]. А в сказке «Ашнь Алг мөртэ Амн Цаһан» («[Богатырь] Аман Цаган, имевший коня Ашинь Алаг») родители, спасаясь бегством от пятнадцатиголового черного муса, и вовсе оставляют своего сына, потому что их единственный вол не в состоянии увести колыбель с ребенком: Арһан барад эмгн өвгн хойр төмр өлгэтэ көвүһән хадын заагт хаяд, сүл адуһан тууж йовсн хаана адучнриг дахад йовна. ‘Не зная что делать, старик со старухой оставили сына, лежавшего в железной колыбели, среди скал, а сами пошли за ханскими табунщиками, которые шли последними’ [Калмыцкие сказки 2017: 79].

В сборнике [Калмыцкие народные 1982] присутствует легенда о храбром Мазане. Согласно повествованию, ‘сын бедной калмыч-

ки, несчастный и неказистый на вид, с детства никому не внушал добрых надежд. Голова у него, как котел, была большая, живот на шар походил, а ноги, что палочки, тонкие' [Калмыцкие народные 1982: 126].

В предании «Очра Мазна тускар» («О женитьбе Мазана»), записанном у сказителя Ш. В. Боктаева, говорится: Өнчнүлдэд, эк-эцк уга бичкнэсн үлдсн цагтнь нег наһцхнь Тоол-Мала гидг күн авад асрад өскж 'Оставшись сиротой, оставшись в детстве без отца-матери, был взят на воспитание дядей по материнской линии по имени Тоол-Мала'.

В данном варианте предания отсутствует мотив приобретения Мазаном своего главного оружия — лука, за который в других вариантах предания был отдан целый табун лошадей: Тегэд наһцхнь Мазниг гетж. Бийэн үзүллго гетэд, дахад модар орхла, Мазн моднд одчкад, саадг кежавад, саадгар моднд кү зурчкад, кү хаһад, нег ишкэд хаһад, хойр-хурв ишкэд хаһад, улм холас хаһад дасад бээж 'Итак, дядя выследил Мазана. Спрятавшись, не выдавая себя, следом за ним войдя в лес, [увидел, что] Мазан войдя в лес, сделав лук, этим луком на дереве нарисовал человека, в человека стрелял, отступив на шаг, стрелял, на два-три шага отступив, выстреливал, так учился [он] стрелять на расстоянии' [Алтин чеежтэ 2010: 27].

Мотив ребенка-сироты, широко распространенный в сказках, в калмыцких преданиях выражен несколько иначе. В отличие от сказочных сирот, воспитанием ребенка занимались родственники по линии отца и ребенка не притесняли, а наоборот, поощряли; несмотря на убогий внешний вид продолжали верить в его великое предназначение.

Процессу возмужания главного героя и становлению его как богатыря отведено центральное место в сказочном повествовании как в плане содержания, так и в плане выражения. Богатырь сражается с врагом-захватчиком (чаще всего это антропоморфные чудовища-мусы, имеющие множество голов), участвует в состязаниях за невесту, либо ищет достойного противника. Можно предположить, что в сказках данной группы этот мотив перерастает в тему, пронизывающую все фольклорное произведение. В сказке «Буйт холын экнд бүүрлсн Буйнта Цаһан авһин көвүн» («Сын дядюшки Буйнта Цагана, поселившегося у истока реки Буята») за невестой отправляется вместе с

братом Буджи Улан Батыр. Прибыв на место, братья узнают, в каких состязаниях нужно участвовать и побеждают в них при помощи силы, сноровки и ума. Нег марһань болхла — үйтэ хувцинь үйинь олн хаһад, үкр хар богшурһагпа өргн таһна хойринь заһад, халун бүлэнэр хаана ширэ деер ирж бэрхм, — гинэ. — Негнь гинэ — бөк нолдхм, — гинэ. — Нег марһань гинэ — һаңг мөрн-далаһас сээхн мөрэрн һурвн фльмиг халун-бүлэнэр авч ирж, хаана ширэ деер бэрхмн, — гинэ. ‘Одно из состязаний — попасть стрелой в шов одежды, потом эта стрела должна пролететь между подбородком и твердым нёбом скворца, потом еще теплой её надо принести к престолу хана, — сказал. — И ещё одно состязание — из моря-океана Ганг, на прекрасном коне отправившись, три яблока еще свежими доставить к престолу хана, — сказал’ [Калмыцкие сказки 2017: 169].

В сказке «Долан үйднй дахн төрсн Эт Мерген Темн» («Эте Мерген Темне, в семи поколениях вместе перерождавшийся») главный герой отправляется на поиски невесты не себе, а наследнику ханского престола. Богатырь также с честью проходит все три назначенные испытания и с невестой возвращается домой, где вручает ее хану и его наследнику, а сам живет в счастье и благоденствии [Калмыцкие сказки 2017: 199].

Применив классификацию, предложенную Р. С. Липец, выделим следующие формы брака: союз с девушкой как результат традиционного сватовства (герой вступает в брачный возраст, для прохождения инициации и обретения статуса мужчины необходимо сыграть свадьбу); дипломатический союз, призванный укрепить отношения, возникшие между победителем и побежденным правителем (в роли невесты выступает одна из дочерей правителя, зачастую самая младшая, покорная воле отца, либо самая мудрая); и союз с захваченной в результате ратных подвигов пленницей [Липец 1983: 43]. В рассматриваемых преданиях имеет место брак в результате обычного сватовства героя.

Когда мальчик подросток, дядя решил, что настало время его женить. Именно во время сватовства происходит определенное событие, призванное испытать будущего богатыря. Это может быть кража скота, и тогда богатырь пускается в погоню и побеждает в одиночку вражеское войско, либо отец и родственники требуют за дочь выкуп — косяк из табуна более сильного противника. Испытание, предназначенное

богатырю, как раз и раскрывает его сущность, и именно с него начинается отсчет его подвигов. «Все говорят: Мазан — известный богатырь и непревзойденный стрелок. Если так, пусть он пригонит нам за нашу красавицу дочь золотистый косяк из табуна черкесского богатыря Иштек-Шора. Когда он пригонит лошадей, тогда мы убедимся в силе, могуществе, храбрости и ловкости Мазана. Только после этого можем отдать ему свою дочь» [Душан 1997: 32].

Необходимо отметить, что в преданиях процесс трансформации из немощного ребенка в богатыря четко не выражен. Эта имплицитность может быть обозначена в текстах либо обретением чудесного оружия (лука, за который был отдан целый косяк лошадей), либо достижением определенного (брачного) возраста и выполнением определенных заданий.

Выше нами было указано, что предания о богатыре формировались в более поздний исторический этап развития калмыцкого общества (XVII–XVIII вв.). Поэтому, наряду с ратными подвигами, богатырь участвует и в междоусобных распрях, порой сражаясь с близкими родственниками, используя хитрость и смекалку. В одном из вариантов преданий Мазан сражается со своим дядей, Тоол-Мала. Прикинувшись умирающим от многочисленных ран, трижды просит он о встрече. Чтобы подтвердить свои слова, отдает посланнику дяди тетиву от своего лука, которую носил пришитой между лопаток. Дождавшись, когда Тоол-Мала приблизится к нему на расстояние слышимости человеческого голоса (примерно 1 км), Мазан-батыр направляет на него свой лук: Тохашлад өгдг Тоол-Мала, *tophl* уга хаһад авдг торһуда көвүн Мазан гидг күмб гиһэд толһаһинь хаһад өсргчкж. ‘Прикрывшийся локтем Тоол-Мала, без остановки стреляющим торгутским юношей Мазаном зовусь я, — сказав эти слова, выстрелил в голову’ [Алтн чеежтэ 2010: 24].

Таким образом, идеализация образа богатыря завершена не полностью. По мнению У. Б. Далгат, поступки эпического героя зачастую труднообъяснимы с точки зрения современной морали, тем не менее, поступая так, а не иначе, главный герой руководствуется своими внутренними психологическими побуждениями [Далгат 1973: 154].

Мотив оживления героя, весьма частотный для сказок, является традиционным сюжетообразующим элементом фольклорного про-

изведения. В калмыцких богатырских сказках оживление богатыря происходит при помощи волшебных средств (исцеляющее белое снадобье, живительный аршан, листья с дерева бодхи) соратниками, а также сестрами или женами. В сказке «Барс Мерген баатр» («Богатырь Барс Мерген») героя оживляют три девушки, дочери Луны, Солнца и Неба, которых освободила из плена мусов младшая сестра богатыря Бугулунг: Тегэд хурвулн селвлцэд, негнь урн арһта Манз-Ширеб бурнур одад, арша сурад, авч ирэд дусав. 'Потом посоветовались втроем, и одна из них отправилась к бурхану Манза-Ширебу, покровителю мастеровых, попросила [целительный] аршан, принесла его и окропила им [богатыря]' [Калмыцкие сказки 2017: 93].

В сказке «Жаңһрин йовсн йовдл» («Подвиг Джангара») богатырь исцеляется, съев листья, принесенные мышами. Жаңһр дөшэд, тер үлдэсн хамтхасн күрэд, амндан аваад, зууһад, жажлад, көлдэн түркэд, ташадан түркэд, эдгэд босад бээв. 'Джангар полполз к оставленным ими листочкам, взял в рот, разжевал и ногу помазал, бедро помазал, исцелился и встал [на ноги]' [Калмыцкие сказки 2017: 233].

В этой же сказке Джангар оживляет Хонгора, проглоченного щукой. Жаңһр хамтхасан һарһад, үүд-түүд күршго үүлн цаһан эмэн түркэд, одак бодь модна хамтхасан түркэд, [Хоңһр эдгэд], мөн кевтән тохрад, зогсад бээв. 'Джангар вынул из кармана мигом исцеляющее белое, как облако, снадобье, помазал, листочками с того дерева бодхи помазал — [Хонгор исцелился] приняв прежний вид поднялся' [Калмыцкие сказки 2017: 235].

Особенно интересен образ сестры, стараниями которой воскрешается главный герой. Именно она после смерти богатыря облачается в его доспехи, берет его оружие и скакуна и отправляется на поиски того, кто сможет оживить ее брата. В этой роли всегда выступает незамужняя девушка, зачастую самая младшая в семье. Отметим, что в данном случае имеет место временное «перевоплощение» девушки в погибшего брата, обусловленное определенной целью. В отличие от женщины-богатырши, которая изначально позиционируется как воительница, задача которой схожа с задачами мужчины-богатыря, после достижения поставленной цели девушка возвращается к своему привычному виду и утрачивает волшебную силу. С. С. Суразаков отмечает принадлежность данного мотива

временам матриархата, однако на первый план, по его мнению, выносится преданность женщины мужчине [Суразаков 1985: 57–58].

В преданиях о Мазан-батаре процесс этот представлен несколько иначе. В преданиях богатырь именуется «Мазан, сын Очира, оживающий, когда звезды появляются на небе полностью» [Калмыцкие народные 1982: 128], однако это волшебное качество никоим образом не объясняется. Возможно, это связано с ориентацией предания на достоверность, а описываемые события позиционируются как реально происходившие, пусть и в отдаленном прошлом. Таким образом, связь с волшебными элементами в данном мотиве ослабевает. Если предыдущие два мотива необходимы для объяснения происхождения героя, его близости к народу, а изобразительно-выразительные средства, в том числе гиперболизация, подчеркивают его необыкновенность, то последний мотив противоречит установке на достоверность, лежащей в основе предания. Противоречащий реальным представлениям народа в его начальном эпическом мышлении, он использовался для выражения народной любви к богатырю, поскольку ограниченность богатыря одной жизнью считалась недопустимой, так как боролся он за правое дело.

Таким образом, рассмотрев сказочные мотивы в преданиях, мы можем отметить следующее:

1) главный герой указанных преданий — типичный для сказки выходец из народа, наделенный исключительными качествами защитника простых людей;

2) мотив «низкого» героя наиболее близок к богатырскими сказкам. Данную близость можно объяснить схожестью жанрового состава, структуры и принципов идейно-художественной организации произведений устного народного творчества;

3) трансформация из немощного ребенка в богатыря в предании имплицитна и выражается в обретении чудесного оружия либо во вступлении в брачный возраст;

4) в отличие от идеального сказочного богатыря герой исторических преданий может участвовать в междоусобных конфликтах, порой сражаясь с близкими родственниками;

5) мотив волшебного оживления героя развит в недостаточной мере: в преданиях не дается конкретного объяснения либо способа, которым героя возвращают к жизни.

Источники

- Алтн чеежтэ келмрч 2010 — Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев. Сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.
- Калмыцкие народные сказки 1982 — Калмыцкие народные сказки. Пер. с калмыцкого. Переиздание. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 146 с.
- Калмыцкие богатырские сказки 2017 — Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; подготовка текстов, переложение калмыцких текстов, пер. Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой; отв. ред. А. А. Бурькин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев; Калмыцкий научный центр РАН. М.: АО «Первая Образцовая типография», 2017. 561 с.

Sources

- [Shanya Boktaev. The Custodian of Folk Wisdom]. B. B. Mandzhieva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2010. 172 p. (In Kalm.)
- [Kalmyk Folk Tales]. Transl. from Kalmyk. Reprint. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. 146 p. (In Russ.)
- [Kalmyk Heroic Tales]. B. B. Mandzhieva (foreword); B. B. Mandzhieva, T. A. Mikhaleva, Ts. B. Seleeva (comp., transl., etc.); A. A. Burykin et al. (eds.). Kalmyk Scientific Center of the RAS. Moscow: Pervaya Obratsovaaya Tipografiya, 2017. 561 p. (In Russ. and Kalm.)

Литература

- Азбелев 1965 — *Азбелев С. Н.* Отношение предания, легенды и сказки к действительности // Славянский фольклор и историческая действительность. М.: Наука, 1965. С. 5–25.
- Бурькин 2018 — *Бурькин А. А.* Критерии характеристики жанра богатырской сказки и основные отличия богатырских сказок от образцов эпоса // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 4(38). С. 135–155.
- Веселовский 1989 — *Веселовский А. Н.* Поэтика сюжетов. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 300–307.
- Далгат 1973 — *Далгат У. Б.* К вопросу идеализации эпического героя (на материале кавказского эпоса) // Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 146–171.
- Душан 1997 — *Душан У.* Историко-этнографические заметки об Эркетевском улусе // Церенов В. Эркетени. Земля и люди. Элиста: АПП «Джангар», 1997. С. 32–33.

- Жирмунский 1974 — *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. М.: Наука, 1974. 727 с.
- Липец 1983 — *Липец Р. С.* «Завоеванная женщина» в башкирском эпосе. Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, 1983. С. 43–45.
- Манджиева 2015 — *Манджиева Б. Б.* К истории изучения и публикации калмыцких богатырских сказок [электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sostavleniya-toma-kalmytskie-bogatyrskie-skazki-v-svode-kalmytskogo-folklor> (дата обращения: 05.10.2019).
- Мелетинский 2005 — *Мелетинский Е. М.* Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.; СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005. 242 с.
- Сарангов 2012 — *Сарангов В. Т.* Фольклор калмыцкого народа. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 136 с.
- Соколова 1970 — *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Суразаков 1985 — *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос. М.: Наука, 1985. 255 с.
- Томашевский 2002 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.

References

- Azbelev S. N. Folk stories, legends, tales – and reality. In: [Slavic Folklore and Historical Truth]. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 5–25. (In Russ.)
- Burykin A. A. Criteria to characterize the genre of heroic fairy tales and the key features to distinguish between the latter and epic patterns. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2018. No. 4 (38). Pp. 135–155. (In Russ.)
- Dalgat U. B. Idealization of the epic hero revisited: a case study of the Caucasian epic tradition. In: [Specificity of Folklore Genres]. Moscow: Nauka, 1973. Pp. 146–171. (In Russ.)
- Dushan U. Historical and ethnographic sketches of Erketenevsky District. In: Tserenov V. [The Erketens: Land and People]. Elista: Dzhangar, 1997. Pp. 32–33. (In Russ.)
- Lipets R. S. ‘Captive woman’ in the Bashkir epic tradition. In: [Folklore and Historical Ethnography]. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 43–45. (In Russ.)
- Mandzhiyeva B. B. The history of study and publications Kalmyk bogatyrsky fairy tales. *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 1–2. An Internet resource: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-sostavleniya-toma-kalmytskie-bogatyrskie-skazki-v-svode-kalmytskogo-folklor> (accessed: October 5, 2019). (In Russ.)

- Meletinsky E. M. [Magic Tale Hero: Origins of Image]. Moscow; St. Petersburg: Akademiya Issledovaniy Kultury; Traditsiya, 2005. 242 p. (In Russ.)
- Sarangov V. T. [Kalmyk Folklore]. Elista: Kalmyk State University, 2012. 136 p. (In Russ.)
- Sokolova V. K. [Russian Historical Tales]. Moscow: Nauka, 1970. 288 p. (In Russ.)
- Surazakov S. S. [Altai Heroic Epic]. Moscow: Nauka, 1985. 255 p. (In Russ.)
- Tomashevsky B. V. [Theory of Literature: Poetics]. Moscow: Aspekt Press, 2002. 334 p. (In Russ.)
- Veselovsky A. N. Poetics of plots. In: [Historical Poetics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989. Pp. 300–307. (In Russ.)
- Zhirmunsky V. M. [Heroic Epic of the Turks]. Moscow: Nauka, 1974. 727 p. (In Russ.)